

Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации

Одна из ключевых проблем межкультурной коммуникации – проблема коммуникативных неудач. Научная коммуникация не составляет здесь исключения. Теоретики межкультурной коммуникации отмечают, что в случае таких неудач страдают обе стороны. Йохен Ребейн так описывает возникающую ситуацию: представители языкового большинства испытывают неуверенность в правильности своих действий, проявляя в то же время открытую или скрытую дискриминацию по отношению к коммуникативным партнерам; представители языкового меньшинства испытывают разочарование, ведущее к отказу от действий (Rehbein J., 1985, S. 9).

Многие коммуникативные неудачи основаны, в свою очередь, на незнании или несоблюдении культурных табу, что ведет к неправильному восприятию и, соответственно, оценке речевых действий партнеров.

Исследователи табу утверждают, что табу являются сильнейшей из всех конвенциональных норм (Wagner H., 1991, S. 16). Тем не менее, культурные табу изучены совершенно недостаточно, их описание ограничивается, в основном, сферами, выявляемыми, например, в ходе социологических опросов. При этом основными табуированными категориями оказываются, с одной стороны, «запретные темы», с другой стороны, – конкретные коммуникативные партнеры (Wagner H., 1991, S. 25).

Специфика культурных табу проявляется в том, что многие из них имеют характер «неписаных» законов, о которых знают члены определенного языкового коллектива, но говорить о которых по тем или иным причинам представляется неудобным. Из этого вытекают другие свойства табу, прежде всего их имплицитность и дефинитивная уязвимость. Наличие табу свидетельствует также о наличии поведенческих стереотипов, которым подчас осознанно, а скорее интуитивно, следуют члены языкового коллектива.

Существуют, конечно, и эксплицитные культурные табу. Они выражаются, например, запрещающими знаками и надписями. Однако чаще запреты представлены имплицитно через предлагающие надписи или устройства, следование которым или пользование

которыми считается обязательным. Если, например, в Париже перед выходом на перрон для посадки на поезд дальнего следования установлены компостеры, то предполагается, что пассажиры должны прокомпостировать купленные билеты. Здесь скрыт запрет на посадку с непрокомпостированными билетами, несоблюдение которого может привести к неприятностям с контролером. Многие ли из российских граждан знают об этом культурном табу?

Отсутствие экспликации культурных табу проявляется не только в обыденной жизни, но и в средствах массовой коммуникации. В них, например, к неписаным законам относится сокрытие партийности журналиста, его ценностной ориентации, что должно создавать впечатление объективности изложения. Тем не менее, несвобода журналиста находит выражение в замалчивании определенных фактов, имен, событий. Именно замалчивание признается важнейшим средством в публицистической борьбе (Wagner H., 1991, S. 45 f.f.).

Дискурсивные табу, которым посвящена настоящая статья, относятся, на наш взгляд, к имплицитным запретам. Они описываются, как правило, методом «от противного», а именно, как культурная специфика дискурса или различных текстотипов. Табуизированные категории не находят, однако, в такого рода описаниях эксплицитного выражения. Здесь следует полностью согласиться с Кирстен Адамзик, которая пишет о том, что необходима большая открытость в дискуссии о таких непростых и легко уязвимых предметах, как культурные различия и соответствующие стереотипы. По ее мнению, между культурно-специфическими стилями мышления и макро- и даже микроструктурными текстовыми признаками зияет такая пропасть, которую можно перекрыть только эмпирическими исследованиями интермедиального уровня описания (Adamzik K., 2001, S. 26 f.).

Следуя этому пожеланию, попытаемся осмыслить опыт межкультурного научного общения, накопленный при изучении научной литературы на немецком и английском языках, а также в процессе осуществления договора о сотрудничестве Самарского педагогического университета и педагогического института г. Людвигсбурга (ФРГ) и при участии в международных конференциях Общества прикладной лингвистики ФРГ (Gesellschaft für angewandte Linguistik – GAL), проводимых как ежегодные собрания этого общества в различных университетах Германии. Приводимые далее соображения не претендуют на полноту; скорее они

обозначают области, в которых можно вести целенаправленные интермедиальные исследования, привлекая данные и методы философии, социологии, психологии и культурологии.

Межкультурная научная коммуникация протекает в двух основных формах, которые можно условно назвать непосредственной и опосредованной. Непосредственная коммуникация имеет место, например, на научных конгрессах, семинарах, коллоквиумах, опосредованная – при чтении литературы на иностранных языках. Рассматривая текст как фиксированное проявление дискурсивного процесса, считаем возможным в обоих случаях говорить о дискурсивных табу. Однако, исходные категории, лежащие в их основе, на наш взгляд, различаются. Текст, как обработанный дискурсивный продукт, в значительной степени зависит от упоминаемой К. Адамчик категории «культурно-специфический стиль мышления», определяющей стилистику научного текста. Для дискурса как единицы непосредственной коммуникации, первостепенное значение приобретает психологическая категория адаптации в инокультурной среде, определяющая поведенческие стереотипы.

Начнем с анализа культурной специфики стиля мышления и, соответственно, научного текста.

По свидетельству философов, «в типологии речемышления имеются значительные пробелы» (Лабашук М., 2004, с. 9). Эти пробелы относятся цитируемым автором к семантизации разных видов вербального мышления, прежде всего научного и художественного, на основе противопоставления рационального и эстетического типов (там же, с. 7-10). С неменьшим основанием их можно отнести и к межкультурному научному общению. Говоря о взаимодействии немецкой и русской культур в рамках научного дискурса, неплохо было бы иметь типологию речемышления соответствующих этносов. Однако, строгая типология, насколько нам известно, отсутствует. Будем исходить поэтому из другого предлагаемого философами различия типов мышления: коллективистического и индивидуалистического (ср., например, Хроленко А.Т., 2004, с. 319). Это различие уходит корнями как в типологию социального уклада, так и в религиозное сознание православия и протестантства соответственно и, следовательно, имеет глубокую историческую традицию. Наша рабочая гипотеза состоит в том, что мы связываем культурную специфику российского мышления с коллективистическим типом сознания, до сих пор господствующим в российском обществе, а культурную специфику англосак-

сонского мышления расцениваем как индивидуалистическую. Посмотрим, как проявляется данное различие в культурной специфике научного текста русских и немцев и как она влияет на формирование дискурсивных табу.

Научная литература на немецком и английском языках с позиций русского языкового сознания характеризуется следующими особенностями. Авторы научных работ не стесняются брать на себя ответственность и заявлять свою позицию в форме авторского «я», что непосредственно вытекает из индивидуалистического самосознания. Ср.:

Damit habe ich ...nur eine vergleichsweise einfache Schwierigkeit angedeutet (Zifonun 4); The question that I have asked myself in relation to Keenan's principle is... (Hawkins 6).

Наряду с этим встречается и авторское «мы»:

In methodischer Hinsicht beobachten wir in erster Linie den... Fokussierungseffekt als gewinnbringend (Zifonun 3); In the process we shall draw on all potentially useful descriptions of the relevant grammatical areas of English and German (Hawkins 8).

В русской научной традиции, как правило, принято авторское «мы», согласующееся с коллективистическим типом мышления. Пробный анализ текстов статей и монографий на русском языке (русских авторов) объемом примерно 60 страниц выявил следующую картину. Коллективистическое сознание авторов проявляется через употребление личного местоимения «мы», притяжательного местоимения «наш» и глагольной формы 1-го лица множественного числа в побудительной функции (типа «*Приведем некоторые примеры*»). Местоимение «я» не встретилось ни разу. Разумеется, нельзя полностью исключить его употребление, но можно говорить о тенденции к его табуированию. Кроме того, косвенным проявлением коллективистического типа сознания можно, на наш взгляд, считать употребление неопределенно-личных и безличных конструкций, например, с модальными словами «можно», «нельзя», с помощью которых автор имплицитно солидаризируется с мнением других. То же можно утверждать об употреблении пассивных и рефлексивных конструкций типа «встречается», позволяющих автору «уйти в тень», не акцентируя своего «я». Таблица 1 дает представление о частотном распределении выявленных средств.

Интерпретируя данные таблицы, следует остановиться на трех моментах. Во-первых, не все из проанализированных средств замещают табуированное «я», а только те, которые эксплицитно вы-

Таблица 1. Частотность средств выражения коллективистического сознания в русском научном тексте

Автор	Кол-во стр.	Мы/ наш	1 л. мн.ч.	Неопр.- личн/ безл.	Пассив/ рефлексив	Итого
Г.Ф. Ковалев	30	15	9	6	24	54
Л.И. Гришаева	10	0	2	6	5	13
А.А. Болдырев	6	8	1	2	7	18
В.В. Корнева	7	6	4	7	32	49
Л.В. Цурикова	6	1	1	0	8	10
Итого	59	30	17	21	76	144
%		20,9	11,8	14,6	52,7	100

ражают коллективистское сознание: «мы», «наш», 1-е лицо множественного числа. Во-вторых, в англосаксонской культуре, как отмечалось выше, наряду с «я» встречается и «мы», что говорит о более свободной в этом отношении степени табуирования. Наконец, показательно, что авторы, работающие с англосаксонской культурой (Л.Л. Гришаева, Л.В. Цурикова), стараются избегать формы «мы» как противочлена табуированного в нашей культуре «я». Это наводит на мысль о возможности заимствования табу.

В зарубежных научных работах нередко делается посвящение близкому человеку и содержится благодарность не только научным рецензентам и техническим помощникам, но и членам семьи, обеспечивавшим возможность осуществления работы. В российской научной среде благодарности личного характера высказываются обычно устно при неформальном общении, поскольку негласно считается, что основная заслуга в выполнении научной работы принадлежит как самому ученому, так и научному коллективу, взрастившему его. Однако новые работы авторов, имеющих дело с англосаксонской культурой, «взламывают» это табу (см., например, Макаров М.Л., 2004; Кулинич М.А., 2004).

Существенное отличие англосаксонской и русской традиции наблюдается и в обнаружении принадлежности к научной школе. Выявляемые здесь табу можно разделить на две группы, противоположные или совпадающие в каждой из сравниваемых культур. В англосаксонской традиции не приняты оценочные высказывания

по отношению к какой-либо научной школе. Особенно резкое неприятие вызывает похвала в адрес той школы, идеи которой поддерживаются автором. В русской научной традиции, напротив, оценочные высказывания довольно частотны. Косвенная оценочность проявляется также в высказываниях, очерчивающих рамки сторонников той или иной идеи, то есть содержащих кванторы типа «все», «большинство». Думается, что оценочность следует расценивать здесь не как (или не только как) признак индивидуального стиля, но и как органичную составляющую культуры. Особенно наглядно она проявляется в научных работах по русской словесности, в некоторых из которых оценочные высказывания встречаются на каждой странице (ср. Ковалев Г.Ф.). К совпадающим в обеих культурах табу относится негласный запрет на цитирование ученых, принадлежащих к другим научным школам.

Наконец, отметим еще одно отличие содержательного характера, которое проявляется во многих отечественных и зарубежных научных работах. Речь идет о форме мотивации обсуждаемой или выдвигаемой идеи. Если за рубежом признаком «хорошего тона» является развернутость аргументации, допускающая и в научном стиле шутку или замечание / комментарий личного характера (ср., например, книгу Р. Келлера “Sprachwandel”), то в отечественной лингвистике такой способ аргументации считается неуместным. Здесь вновь проявляется оппозиция «автор как личность» и «автор как член научного коллектива, наделенный определенными полномочиями».

Исходя из приведенных наблюдений, выделим дискурсивные табу, которые должны стать предметом особого внимания авторов научных работ на русском и немецком языке, если они хотят быть понятыми и принятыми в соответствующей научной среде. Табу проявляются во взаимоисключающих оппозитивных парах. Первое из них касается выбора **формы авторского изложения** «я» или «мы». Второе относится к экспликации **научных пристрастий**, что необходимо в отечественной научной традиции и считается нескромным в зарубежной. Третье табу затрагивает **форму аргументации**. Наконец, табу касается и внешнего обрамления научного труда: **посвящения и благодарности** близким людям, что на Западе в порядке вещей, а в России принимается за нескромность.

Обратимся далее к непосредственной межкультурной научной коммуникации и попытаемся проанализировать некоторые возникающие при этом для российской стороны трудности. Особенности такой коммуникации, как было отмечено выше, восходят уже

не столько к стилю мышления, сколько к проблемам адаптации в инокультурной среде. Среди этих проблем можно выделить две основных. Первая связана с тем, что российский участник вынужден общаться на неродном для него языке, тогда как большинство других участников говорят на родном языке. Вторая проблема заключается в необходимости адаптации привычной системы понятий к принятой в европейском сообществе. Рассмотрим каждую проблему в отдельности.

1. Языковая ситуация, в которой находится российский участник межкультурной коммуникации за рубежом, характеризуется сильной асимметрией: он находится обычно в значительном меньшинстве и коммуницирует на неродном языке. Мы отвлекаемся в данном случае от чисто языковых трудностей понимания, которые могут быть обусловлены особенностями произношения или темпом речи докладчиков или выступающих в дискуссии. Сосредоточимся на коммуникативных стратегиях и тактиках, к которым прибегают участники, говорящие на родном и неродном языках. Предваряя аргументацию, позволим себе сослаться на специальное исследование, посвященное анализу межкультурных телевизионных дискуссий. Исследование выполнено Андреой Янель и обобщает опыт ее работы лектором Немецкой академической службы обменов в Великобритании. А. Янель сравнивает дискурсивные стратегии носителей языка и говорящих на неродном языке в плане применения теми и другими стратегии модализации высказывания и его языкового оформления.

Автор определяет самое значительное отличие межкультурной коммуникации тем, что в ней, по крайней мере, один из участников говорит не на родном языке (Jahnel A., 2000, S. 50). Это сказывается на том, насколько «прямо» и «спорно» выступают участники коммуникации (Jahnel A., 2000, S. 37). Приведем некоторые из ее аргументов. Значительные отличия отмечаются ею в маркировке иллюкционных ролей: если говорящие на родном языке умело применяют сигналы эвиденции, связи, диссонанса, заостряя проблему, то говорящие на чужом языке, как правило, ограничиваются пропозициональным содержанием, не обозначая функцию высказывания в дискуссии, что затушевывает спорность высказываний (Jahnel A., 2000, S. 375 f.). Недостаточная маркировка связности ведет к более подробному изложению, сверхэкспликации и сверхобработке (Elaboration) (Jahnel A., 2000, S. 380 f.).

Другое отличие А. Янель видит в том, что говорящие на неродном языке часто употребляют выражения неуверенности, незна-

ния, неполноты охвата типа *eigentlich, und so weiter, irgendwie*, модальные глаголы *wollen, mögen, können* вместо *müssen*, что «сглаживает углы», ослабляет противоречия (Jahnel A., 2000, S. 377). *Native speakers*, напротив, используют сильные контраргументы, что создает впечатление их агрессивности (Jahnel A., 2000, S. 382).

Наконец, А. Янель прямо пишет о том, что комплименты морально-этического характера на Западе почти табуированы и воспринимаются как “Anbiederei”, то есть «подмазывание», «подхалимаж» (Jahnel A., 2000, S. 57).

На наш взгляд, выявленные А. Янель особенности наблюдаются и в межкультурной научной коммуникации, не способствуя ее успеху. У доминирующей в языковом отношении стороны создается впечатление незаинтересованности зарубежных участников, их пассивности и излишней скромности. У российских участников складывается превратное представление об излишней агрессивности хозяев, об их нежелании слушать кого-то кроме себя. ИмPLICITные табу возникают как у доминирующей, так и у миноритарной стороны. Первые ощущают недопустимость пассивности в научной дискуссии, вторые чувствуют отсутствие интереса к системе их ценностной ориентации. Организаторы конференций, в частности, ежегодного собрания Общества прикладной лингвистики, пока не могут преодолеть возникающие здесь барьеры и, чтобы дать возможность высказаться восточноевропейским участникам, выделяют их в особую локально-тематическую группу, где они обмениваются мнениями в своем кругу. Тем самым межкультурная коммуникация блокируется на основном направлении «восток – запад». Между тем А. Янель констатирует, что в межкультурной дискуссии происходит «приспособление» стилей участников, выработка единого стиля (Jahnel A., 2000, S. 31). Видимо, следует идти этим путем, хотя он и не будет легким.

Выявление дискурсивных табу, регулирующих коммуникацию в этой области, представляется первоочередной задачей. Этим табу следует специально обучать, подобно тому, как обучают интеркультурной коммуникации в американском образовательном пространстве, составляя специальные руководства для иностранных студентов (Иванова Н.К., 2004, с. 8-10). Табу, которое мы предлагаем выделить в данной области, касается **коммуникативных стратегий** доминирующей и миноритарной в языковом отношении групп коммуникантов.

2. Другая проблема состоит в необходимости адаптации терминологической системы, поскольку адекватное понимание может

возникнуть только при наличии совпадающего фонда общих знаний. О том, насколько различаются эти фонды, достаточно хорошо известно. Тем не менее, приведу еще один, убедительный, на мой взгляд, пример. Участие в семинаре по анализу речевого общения, проведенного проф. Рюдигером Фогтом в педагогическом институте г. Людвигсбурга, выявило несоответствие представлений в основополагающей сосюрховской триаде, которую мы понимаем как «язык – речь – речевая деятельность», а немецкие коллеги интерпретируют как «язык – речь – языковая способность». Это несовпадение приоткрывает различие в подходах к интерпретации функционирования языка, которая в России в значительной степени опирается на теорию речевой деятельности, представленную в трудах А.А. Леонтьева, в Германии же ориентируется на теорию языковой компетенции / перформации Н. Хомского.

Другой пример представляет проведенное нами ранее сравнение терминологического аппарата в области синтаксиса сложного предложения, применяемого в России и Германии (Kostrowa O., 2003). Сопоставление выявило отсутствие полностью идентичных понятий, несмотря на аналогичную во многих случаях терминологию. Это касается, например, термина «высказывание», которому в немецком синтаксисе соответствуют “*Aussage*” (высказывание-констатация) и “*Äußerung*” (высказывание как функция предложения). Термину «*придаточное предложение*» соответствуют немецкие “*Nebensatz*” и “*Gliedsatz*”, различающиеся характером определяемого слова, а также “*Einbettung*” – придаточное как часть матричного предложения. Выявляются и терминологические и, соответственно, понятийные лакуны. В русской терминологии отсутствуют соответствия для широко применяемых в германистике обозначений *w-Wörter* / *d-Wörter*. Чтобы передать эти понятия появляются неуклюжие образования типа *кто-предложения* / *что-предложения*. В отечественной лингвистике не употребляется термин «скопус», означающий, согласно словарю В. Ульриха, «семантическую протяженность определенных компонентов предложения», например, частиц (Ulrich W., 2002, S. 263). В немецкой традиции практически неизвестен широко используемый у нас термин «полипредикативность».

Еще один пример. В отечественной лингвистике последних лет интенсивно исследуется интертекстуальность, понимаемая как взаимодействие текстов друг с другом в аспекте цитирования и использования прецедентных текстов. В Германии интертекстуальность понимается более широко: как взаимодействие текстов

вообще, например, взаимные отношения разных текстотипов внутри одного жанра (ср., например, Adamzik K., 2001).

Приведенные примеры позволяют сформулировать скрытые табу, запрещающие вторжение в «чужую» **традицию исследования**. О наличии таких табу свидетельствует своеобразный запрет на цитирование представителей мало известных в определенном языковом сообществе научных школ. Здесь российские исследователи находятся в заведомо слабой позиции, публикуя свои работы почти исключительно на русском языке. Языковой барьер временно создает культурно-изолирующее табу на цитирование.

В заключение отметим, что экспликация межкультурных табу в научном дискурсе может способствовать более успешной интеграции российской науки в европейское сообщество.

Литература

Иванова Н.К. Обучение интеркультурной коммуникации в американском образовательном пространстве (по материалам «Руководства для иностранных студентов») // Язык и межкультурная коммуникация: Мат-лы 1-й межд.науч.-практ.конф. – СПб.: изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2004. – С. 8-10.

Лабашук М. Модель коммуникации как семантизация культуры // Восток – Россия – Запад: проблемы межкультурной коммуникации: Междунар.сб.науч.тр. – Самара: изд-во Самарской гуманитарной академии, 2004. – С. 6-15.

Сергейчев К.В. Невербальная коммуникация в процессе межкультурного французско-русского делового общения // Язык и межкультурная коммуникация. – С. 61-62.

Хроленко А.Т. Коллективистическая ментальность, государственная идеология и язык // А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов. Теория языка: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 319-330.

Adamzik K. Grundfragen einer kontrastiven Textologie // K. Adamzik. Kontrastive Textologie: zur deutschen und französischen Sprach- und Literaturwissenschaft. – Tübingen: Stauffenburg 2001. – S. 13-48.

Jahnel A. Argumentation in interkulturellen Fernsehdiskussionen. – A. Jahnel. Argumentation in interkulturellen Fernsehdiskussionen. – München: Iudicum, 2000. – 407 S.

Kostrowa O. Deutsch-russische Terminologie im Bereich des komplexen Satzes aus der Übersetzungsperspektive // Аспекты становления и функционирования западно-германских языков: Межд.межвуз.сб.науч.ст. Самара: Самарский ун-т, 2003.

Rehbein J. Einführung in die interkulturelle Kommunikation // J. Rehbein (Hrsg.). Interkulturelle Kommunikation. – Tübingen: Narr, 1985. – S. 7-39.

Ulrich W. Linguistische Grundbegriffe / W. Ulrich. Linguistische Grundbegriffe. 5., völlig neu bearb. Aufl. – Berlin. Stuttgart: Gebrüder Borntraeger Verlagsbuchhandlung, 2002. – 352 S.

Wagner H. Medien-Tabus und Kommunikationsverbote: Die manipulierte Wirklichkeit / H. Wagner. Medien-Tabus und Kommunikationsverbote: Die manipulierte Wirklichkeit – München: Olzog Verl., 1991. – 311 S.

Список источников примеров

Болдырев А.А. Способы достижения взаимопонимания в процессе научного общения // Проблемы взаимопонимания в диалоге. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 34-41.

Гришаева Л.И. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 152-163.

Ковалев Г.Ф. Этнос и имя. / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 7-36.

Корнева В.В. Императив сквозь призму категории вежливости (на материале испанского языка) // Проблемы взаимопонимания в диалоге. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С.86-94.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.

Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л.В. Цурикова. – Воронеж: ВГУ, 2002. – С. 25-31.